

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 31-П

МНЕНИЕ СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К.В. АРАНОВСКОГО

В согласии с Постановлением по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского полагаю важным заметить следующее.

При получении статуса безработного гражданин больше не обязан предъявлять диплом о высшем, в частности, образовании в доказательство профессиональной квалификации. Не первый раз уже Конституционный Суд Российской Федерации расторгает прямую зависимость осуществления прав от предъявления диплома. В Постановлении от 14 ноября 2018 года № 41-П Конституционный Суд Российской Федерации заключил, что наличием диплома не может быть строго обусловлено даже право на педагогическую деятельность (определенных видов), если ее успешно осуществляет лицо, которое соответствует своей должности.

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации могло бы, наверное, состояться в несколько ином содержании, имея образовательные документы иную репутацию, чем теперь. Если бы профессиональное образование уверенно гарантировало квалификацию обладателей дипломов, то в конституционно-правовом балансе интересов и ценностей это имело бы иной, вероятно, вес, который дал бы больше оснований поддержать авторитет диплома, чтобы обладание им было условием осуществления свободы труда и связанных с нею прав.

Отказ системе образования в привилегиях на сертификацию профессий трудно не связать с ее состоянием, когда в ней столько динамики, что нельзя рассчитывать на стабильное качество образовательного продукта. Так, некоторое время назад межведомственная группа при Правительстве России приступила к работе, которая должна была привести к очередному пересмотру правил аккредитации вузов и к распределению их на три категории: базовую, продвинутую и ведущую. Базовым вузам предстояло перейти на онлайн-курсы, что сделало бы их учебно-консультационными пунктами с дистанционным, видимо, обучением подобно интернет-пунктам, где стоимость услуги включала бы и диплом. Периферийные эти вузы-ячейки вошли бы в пирамидальные структуры как рядовые члены и там бы практиковали коучинг, прививали бы «компетенции», как прививают лидерство и комплаенсы на мастер-классах и тренингах в духе сетевого маркетинга. Ведущим вузам, случись это все, предстояло бы готовить учебные продукты для распространения их в дальнейшем по сети через «продвинутые» вузы среднего звена. Тогда бы, конечно, вузы снизили издержки за счет масштабов и ресурсов сети при сокращении штата преподавателей. Такие начинания неизменно пользуются поддержкой в административном сословии и среди активистов, они постоянно там зреют и получают иногда реализацию.

Не все, однако, видят в них прогресс просвещения. Кто-то решит, что непрерывный риск структурных перемен, не говоря уже о реальном их исполнении, лишает науку и профессиональное образование возможности поддерживать качество на достойном уровне. Так, не все считают полезным внедрение болонской системы, и многие предпочли бы без этого обойтись, как обошлись, например, немецкие университеты. Не каждый убежден, что от введения бакалавриата-магистратуры по болонским стандартам выросло качество образования и что теперь российские дипломы признают по международным стандартам, как того ожидали. Бессчетные же ресурсы, которые на это были потрачены, можно было израсходовать во благо науке и на достойную оплату преподавательского

труда. Улучшения в образовании длятся лет тридцать, а результаты их все еще спорны, так что теперь, когда столько истрачено, а доверия дипломам не прибавилось, нет причин полагаться впредь на министерские решения, инициативу ректоров и на энтузиазм активистов.

Не исключено, что придется теперь подождать, пока дипломы большинства вузов и техникумов (лицеев, колледжей и др.) станут убедительными. Тогда можно будет, наверное, заново обсудить, насколько профессиональное образование сертифицирует доступ к профессиям и следует ли связывать с дипломами осуществление тех или иных прав. Пока что, однако, образовательные стандарты, предусмотренные самой Конституцией Российской Федерации (часть 5 статьи 43), администраторы и активисты не могут представить иначе как в документах и отчетах, предписанных по их ведомству, хотя университетская автономия и академическая свобода предполагают в стандартах, скорее, сложившийся ориентирующий образец.

Привилегия на выдачу дипломов до последнего времени гарантировала профессионально-образовательной системе защищенные законом доходы, включая бюджетные. Оставлять за нею такие гарантии, наверное, уже нерасчетливо без той уверенности, что они пойдут на благо собственно образованию. За прожитое в реформах время система распределяла ресурсы так, что это вряд ли хорошо сказалось на профессионализме, благополучии и достоинстве преподавателей, т.е. на качестве обучения. Система платит скудно, если преподаватель не получит в ее управленческом секторе оплачиваемую роль администратора, исполнителя или активиста-энтузиаста. Иногда же она позволяет преподавателю немного прирастить бедный свой заработок, но не за работу, а за хорошую статистику и отчетность, за демонстрацию компетентного подхода вместо академических методов, за соискание грантов и за рейтинги, мониторинги с графиками и за все остальное, что дорого службам ректората и ведомства. Преподавателю нужно для этого воспитать в себе навыки и умения писать резюме и заявки, размещать их

по фондам и ведомствам, оформлять аккредитации, формировать индексы цитирования.

В такой обстановке ценят не преподавание и не учебу, а учебно-методические комплексы, которые нужны не студентам и педагогам, а службам, чтобы те хорошо себя чувствовали и оставались при важном деле на выгодных позициях. Вряд ли, однако, ради этого нужно сохранять привилегии системы, обеспеченные обязательностью дипломов. Ее интересы и ценности малоубедительны, и ради них нельзя ограничивать свободы граждан, возможности социальной государственности вопреки положениям статей 2, 7, 17, 18, 21, 34, 37, части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

Субординация и отчетность под началом администраторов угнетают преподавание и науку, когда вузы уступают свое самоуправление, академическую свободу, стиль и обслуживают систему, которая выдает разрешения на профессию. Автономия – обязательное условие деятельности вуза, и если считать, что российские вузы к ней не способны, то нереальны и расчеты на хорошее образование и на дипломы, разумеется.

Конституционный Суд Российской Федерации видит в автономии вузов основополагающее начало их деятельности, которое определяет их отношения с государством и государственную политику в области образования (Постановление от 27 декабря 1999 года № 19-П); он констатирует, что автономия оправдала себя исторически в общеевропейской университетской традиции, и связывает ее с целями социального государства, свободой научного, технического и других видов творчества, преподавания, с правом каждого на образование и с другими конституционными ценностями, которые следуют из положений статей 7, 17, 18, 43 (части 1 и 5), 44 (часть 1) Конституции Российской Федерации; он допускает ограничения автономии государственных и муниципальных вузов со стороны органов публичной власти лишь в конституционно значимых целях и постольку, поскольку эти органы на правах учредителя

контролируют соответствие деятельности вуза его уставным целям (Определение от 7 июня 2011 года № 767-О-О). Автономию образовательных учреждений – с академической свободой в поиске истины, со свободным ее изложением и распространением под профессиональную ответственность преподавателей без попечения начальств – признавала статья 3 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Из того же исходит статья 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», причисляя к принципам образования свободу педагога в определении форм и методов обучения и воспитания, автономию образовательных организаций, академические права и свободы педагогов и обучающихся (пункты 7, 8, 9). Исполнение этих положений сомнительно, если система ставит участников образовательного дела на службу своим интересам. Даже Петр I не сомневался в том, что «науки подчинения терпеть не могут», а Н.И.Пирогов и подавно настаивал на том, что административное единообразие несовместимо с «автономическим университетом»,¹ что «автономия и чиновничество нейдут вместе» и что «в науке есть своя иерархия; сделавшись чиновною, она теряет свое значение»².

Теперь же многое располагает к тому, что скоро придется, быть может, в самых разных правоотношениях повременить со строгой обязательностью дипломов, пока не появятся веские доказательства тому, что вузы восстанавливают автономию. Но это нереально, если административная часть в системе образования не станет малолюдной из-за сокращения штатов и служб, отпадения их функций и методических руководств. Нужно убедиться и в том, что структурные изменения в образовании сводятся главным образом к ликвидации отмирающих институций, а действующие учреждения потеряли интерес к реорганизациям и к смене титулов и что энтузиастам больше не удаются

---

¹ См.: Университетский вопрос // Вестник Европы. Т. 1 (237). СПб., 1906. С. 1, 15.

² См.: Кропотова Н.В. Николай Иванович Пирогов об университетской культуре: Что изменилось за полтора века? // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 7 // <http://web.snauka.ru/issues/2016/07/70077>.

их инициативы создания кафедры размером с факультет или учреждения вместо них «школ» и «направлений».

Пока административная часть обща с активистами ведет себя как устроитель и хозяин образования, определяет его архитектуру и судьбы, бесперспективно и незачем тратить силу закона на обязательность дипломов, которая в этом случае теряет конституционно-правовые основания. Изложенное не расходится с принятым по настоящему делу Постановлением.